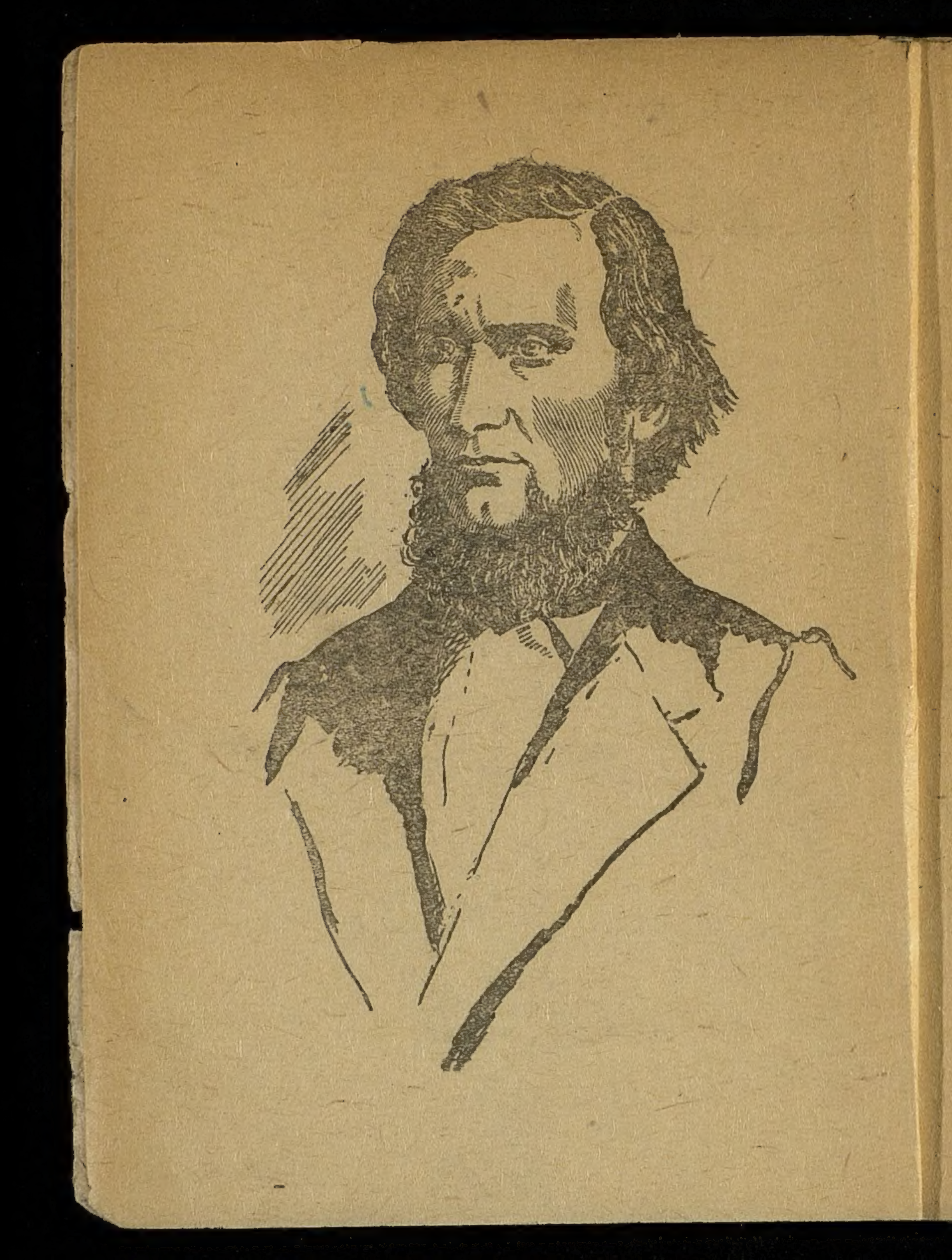
Великие люди русского народа

В. СТРУМИНСКИЙ

УШИНСКИЙ

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ РУССКОГО НАРОДА

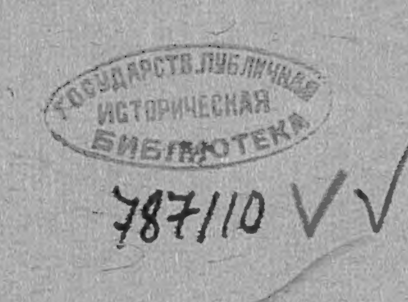
Проф. В. Я. СТРУМИНСКИЙ

Константин Дмитриевич

УШИНСКИЙ

(1824—1870)

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943

I. ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ

«Сделать как можно больше пользы моему отечеству—вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности».

(Из юношеского дневника Ушинского.)

Трудно назвать другого педагога дореволюционной России, который бы пользовался таким авторитетом, такой любовью детей, родителей и учителей, как Константин Дмитриевич Ушинский. Его известность была не меньше, чем известность Коменского и Песталоцци в европейских странах. Это был поистине народный русский педагог — в том смысле, в каком мы говорим о Пушкине как о народном русском поэте, о Глинке как о народном русском композиторе, о Суворове как о народном русском полководце.

Педагогическая деятельность Ушинского развернулась в середине XIX века. Не легко было тогда жить и работать передовым ученым и

общественным деятелям. Царское правительство относилось с особенной враждебностью и подозрительностью к тем, кто боролся за просвещение народа.

А вся деятельность К. Д. Ушинского как раз этому и была посвящена. Он пламенно развивал мысли о том, что образование в России должно быть построено на принципах широкой демократии и по последнему слову науки; он, не смущаясь, говорил, что правительство должно служить народу, прислушиваясь к его растущим потребностям и запросам. Для зарождавшейся народной школы он создал гениально простые и интересные учебники, а для учителей — ряд замечательных руководств. Именно со времени Ушинского педагогика в России твердой ногой вступила на научную дорогу; учитель начал овладевать азбукой педагогической работы, которая стала простой и понятной, а дети впервые почувствовали, вместо вызывавшей отвращение и в пословицу вошедшей горечи ученья, его увлекательную сладость.

На протяжении пятидесяти лет до революции целые поколения русских детей и сотни тысяч учителей воспитывались и учились на книжках, созданных Ушинским. В этом заключался его огромный вклад в дело русской народной культуры.

И именно потому, что он самоотверженно работал над созданием этого вклада, царское прави-

тельство всячески тормозило его работу при жизни, а русская общественность высоко оценила его, как великого русского педагога, родоначальника педагогической науки, отца русской народной школы, учителя русских учителей, друга русского дитяти.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила в России власть помещиков и капиталистов. На место старой школы пришла новая, советская школа. И еще дороже стал нам великий русский педагог Ушинский, еще важнее для нас его замечательное идейное наследство.

В январе 1941 года происходило всероссийское совещание руководящих работников народного образования. На этом совещании 30 января 1941 года выступил с речью Михаил Иванович Калинин. Он говорил о важных вопросах школьного обучения, внес много ярких и ценных предложений. Свою речь он закончил так:

«Вот и все мои практические соображения... Но, говоря по совести, они не являются моими, оригинальными в строгом смысле этого слова. Все это я вычитал у старых русских педагогов, большею частью — у Ушинского. А ведь он писал 80 лет тому назад. Но, товарищи, вещи то полезные, я смотрю! Мы живем 80 лет спустя, у нас уже социалистический строй. Но я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практи-

ческих предложений, это — настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены»[1].

II. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ К. Д. УШИНСКОГО

«Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает».

(Из юношеского дневника Ушинского.)

Константин Дмитриевич Ушинский родился в 1824 году в семье мелкопоместного дворянина, имевшего возле Новгород-Северска, бывшей Черниговской губернии, небольшой хутор с тридцатью крестьянами. Этих крестьян отец Ушинского отпустил на волю и в год рождения сына Константина служил в Тульской казенной палате. Через несколько лет отец Ушинского оставил службу и поселился на своем хуторе. Ушинский учился в новгород-северской гимназии, а по окончании ее поступил на юридический факультет Московского университета.

Это было в самом начале 40-х годов XIX века. Тогда в России полновластно господствовал и торжествовал жестокий николаевский режим. Но,

[1] Цитировано по «Учительской газете» от 28 февраля 1941 года.

по меткому слову Герцена, николаевское время было «удивительной эпохой внешнего рабства и внутреннего освобождения». Снаружи была полная придавленность, но внутри уже все бурлило, все стремилось сбросить невыносимый гнет. Экономически Россия давно уже выросла из рамок крепостнических отношений, между тем массы крестьян были закрепощены; ежегодно происходили десятки крестьянских волнений — их усмиряли военной силой.

С исключительным напряжением работала в 40-е годы передовая русская мысль. Московский университет, средоточие русской интеллигенции, находился в периоде своего расцвета. Здесь были лучшие в России профессора (в частности, историю читал знаменитый Грановский). Непосредственный научный руководитель студента Ушинского, преподаватель юридических наук профессор Редкин помог ему широко ознакомиться с современной научной и философской литературой.

Ушинский пристально и внимательно следит за политической жизнью и политической борьбой у себя на родине и в Европе; он пытается разобраться в этой борьбе, чтобы найти свое место и определить свою жизненную роль. И в том, как ставит и решает для себя эти вопросы молодой Ушинский, мы узнаем большое влияние великого современника его — Виссариона Григорьевича Белинского, который оставался для

Ушинского до конца жизни его самым любимым писателем.

В последнем году пребывания в университете (в 1844 году) Ушинский вел дневник, каждая строка которого говорит об особом напряжении его внутренней жизни. Он не надеется, что гнетущий николаевский режим рухнет сразу. Но он убежден, что освобождение придет. Как бы далеко оно еще ни было, оно придет наверняка, и для подготовки его надо работать, надо всю жизнь свою посвятить этому. 13 ноября 1844 года он записывает: «Приготовлять умы! рассеивать идеи!.. вот наше назначение... Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства... Будем трудиться над постройкой чудного здания, которому внуки наши дадут свое имя, истинных творцов которого никто и никогда не узнает... В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни, — страшное бытие. Отдать все потомкам, которые забудут и имена наши... знать все это и все-таки отдать им и жизнь свою, — велика любовь к истине, ко благу, к идее! велико назначение!»

Юношески восторженные слова, но серьезен и велик смысл их: обречь себя на жертву для блага народа.

Ушинский совершенно отчетливо сознает, что

если момент решительного действия настанет только впоследствии, то эпоха внутреннего освобождения, эпоха духовной революции уже наступила. Он характеризует эту революцию, как революцию ума, как победу его над жизнью инстинкта и слепого чувства. Он пишет 25 ноября: «Близка перемена: она начинается, она уже началась!.. Кончилась ночь! Вы спите, когда все вокруг вас уже движется! Проснитесь, заря занимается!.. Вы задыхаетесь в темноте, между тем как ум открывает вам двери в чудную область... Вы напрасно порываетесь разорвать оковы вашего бессилия, а ум дает вам свободу, говоря: «следуй за мной!» Ушинский приглашает своих воображаемых слушателей: «Пойдем теперь на поле битвы, заглянем во все сферы, где совершается эта победа ума: в жизнь общественную, в жизнь домашнюю, в жизнь индивидуальную, в религию, в поэзию, в художества, в науку. Везде мы найдем эту революцию в разных формах и везде увидим торжество плебея — ума...»

Так в год окончания университета определился для Ушинского его будущий путь — путь просветителя-демократа. Теперь он мобилизует все свои силы для выполнения своей жизненной задачи. Он пишет в дневнике расписание своих занятий по дням и часам; составляет перечни книг, которые намерен прочитать; отмечает уже прочитанные книги; устанавливает для себя правила поведения, строго следит за их выполнением.

Вставать в 5 часов, ложиться спать в 10 часов; почти каждый час дня расписан, у каждого — определенное назначение; всякое отступление сейчас же отмечается в дневнике, и принимаются соответствующие меры на будущее время. 16 ноября 1844 года Ушинский пишет: «О! волю надо укреплять! Пусть в моем внутреннем государстве все повинуется ей беспрекословно, — все, кроме ума, этого вечного закона, неизменного. Он один должен быть свободен от всякого принуждения, повелевать всем, не повиноваться ничему, кроме самого себя, то есть быть совершенно свободным».

Научные занятия по специальности склоняли Ушинского к работе историка-обществоведа. И в дневнике 18 ноября того же года он записывает: «Меня теперь совершенно занимает план, который, если я его приму, должен определить цель всей моей жизни: именно — написать историю так, как я ее понимаю. Давно эта мысль под различными формами вертелась в моей голове... Конечно, этот труд достаточен, чтобы наполнить много жизней, но угадал ли я свое направление? В нем ли я найду успокоение? Не леность ли гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для нее способнее? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю? Доставит ли она что-нибудь незрелому народу? Вот вопросы, которые должен я разрешить...»

Совершенно ясно, что вкус к истории должен был образоваться у Ушинского под влиянием его учителей — Грановского и Редкина, а также той обильной научной литературы по философии, по истории (в особенности истории права) и политической экономии, которую он тщательно изучил на студенческой скамье. История была для Ушинского той наукой, которая вскрывает основные пружины и закономерности народной жизни. А он поставил основной задачей своей быть полезным своему отечеству. Но практически вопрос, который хотел разрешить для себя юноша Ушинский (в какой области работа его будет полезнее?) был разрешен тем назначением, которое он получил по окончании университета.

III. КАРЬЕРА УЧЕНОГО КАМЕРАЛИСТА И ЕЕ НЕОЖИДАННОЕ КРУШЕНИЕ

«Пойдем теперь на поле битвы, заглянем во все сферы, где совершается эта победа ума».

(Из юношеского дневника Ушинского.)

Ушинский окончил Московский университет с золотой медалью в 1845 году, имея отроду 21 год. Его научный руководитель профессор Редкин дал ему блестящую аттестацию. И уже через год, 2 августа, Ушинский утвержден исполняющим обязанности профессора так называемых каме-

ральных наук в Ярославском лицее. «Камеральные науки» — это старинное наименование целого комплекса наук о государственном хозяйстве, несколько позже расчленившегося на ряд самостоятельных дисциплин: политическую экономию, государственное право, историю права и т. п.

Русское правительство в 40-х годах проявило большой интерес к разработке камеральных наук. Тогда Ярославский лицей был реорганизован в камеральный. Ушинскому была предоставлена в этом лицее та же кафедра, какую в университете занимал его учитель Редкин.

Легко представить себе, с каким рвением отдался Ушинский своей научной и преподавательской работе. Ведь она должна была вплотную подвести его к осуществлению юношеской мечты: написать историю русского народа, как он ее понимал.

Сохранившиеся наброски его лекций, а также произнесенная им в торжественном заседании лицея и выпущенная отдельным изданием «Речь о камеральном образовании» (издана в Москве в 1848 году) говорят о том, что молодой ученый выступил во всеоружии тогдашней науки, с полной уверенностью в своих силах и с тем благородным энтузиазмом любви к истине, который характеризует подлинного ученого.

Область знаний, которую предстояло разрабатывать Ушинскому (государственное хозяйство и государственное право России в его прошлом и

настоящем), конечно, очень широка. Но тем важнее было правильно поставить основные вопросы в пределах этой области. Ушинский справлялся с этой задачей с большим для своего времени совершенством.

Он считал, в частности, что науку нельзя выводить из одних голых философских предпосылок: она должна быть построена на основе большого фактического материала. Ушинский знал, что современное состояние любого народа — продукт закономерного исторического развития. Но он не соглашался с теми, кто полагал, что законы человеческого общества осуществляются в истории стихийно, без участия сознательной человеческой воли: «Нет, мы должны сознать их и претворить их в нашу разумность, в наши законы».

Проанализировав огромное количество популярных в немецкой и русской камералистике трудов по вопросам политической экономии, Ушинский охарактеризовал их как безнадежно устарелые, не отражающие современного развития хозяйственно-экономической жизни.

Вслед за Адамом Смитом, которого Ленин характеризовал как «великого идеолога передовой буржуазии» (Соч., т. II, стр. 315), Ушинский считал, что наиболее характерной чертой современного хозяйственно-экономического развития является «свободное соединение и разделение труда и соединение и разделение этим трудом самого обще-

ства. В этом обществе, чем ближе люди по своим занятиям, тем они дальше, и чем дальше, тем они ближе. Интересы двух фабрикантов одних и тех же материй, живущих в одном городе, противоположны, а интересы русского фабриканта с интересами того индийского производителя, который доставляет ему краску, — одни и те же. Этот фабрикант, желая, чтобы фабрика его соперника подорвалась, желает в то же время, чтобы дела индийского производителя шли как можно лучше, и забывает часто, что они пойдут хуже, если фабрика его соперника подорвется».

В противовес ограниченной и отсталой камеральной науке Ушинский основную задачу камералистики видел в изучении передовой организации хозяйства. Это понимание предмета политической экономии составляло смелый и большой шаг вперед.

Другой, не менее смелый шаг вперед сделал Ушинский, когда поставил себе задачей связать теоретические положения науки с практической жизнью. Наука должна быть действенной, и ее истины должны претворяться в жизнь. К этой действенности он и призывал студентов. «На вас более чем на ком-нибудь, на всех вас будет лежать обязанность сохранить в жизни стройность и истину этой науки. Только от юности можно ожидать выполнения современных требований, лежащего в будущем».

Но именно того, к чему призывал молодежь

Ушинский, и боялось царское правительство. Организуя камеральные факультеты и лицей, оно имело в виду подготовку исполнительных чиновников, а вовсе не научных исследователей и тем менее людей, проводящих в жизнь выводы науки.

Студенты же, под руководством Ушинского, увлеклись подлинно научной работой и уже в 1847 году выполнили (на старшем курсе) два замечательных исследования, удостоенных советом лицея золотой медали.

И в том же 1847 году Ушинский подал в совет лицея заявление. Указывая на отсутствие в библиотеке лицея источников и пособий по читаемым им курсам, он просил выписать книги по представленному им списку. Попечитель граф Строганов значительную часть этих книг (всю передовую литературу) выписывать запретил.

В это время на Западе уже назревали революционные события. Николаевское правительство, нервозно следившее за этими событиями, все подозрительнее относилось к чтению таких курсов, как государственное право. Программа преподавания беспрестанно суживалась. На директоров была возложена обязанность строго следить за содержанием читаемых курсов, а от преподавателей затребованы подробные конспекты лекций. Надо было указывать и все те цитаты, которые преподаватель хочет использовать на своей лекции. «Живое педагогическое дело нельзя связывать такими формальностями», говорил

на заседании совета лицея Ушинский и прибавил, что «на это не пойдет ни один честный преподаватель».

Это произвело впечатление неслыханной дерзости и вольномыслия.

Товарищеские отношения Ушинского к студентам рассматривались как подрывание студенческой дисциплины и уважения к администрации лицея.

Производивший ревизию лицея попечитель дал отзыв об Ушинском, как о профессоре, имеющем «большие дарования и отличные познания, но с большим самолюбием». Он отметил, что «Ушинский имеет большое влияние на студентов», и объявил ошибкой назначение его на должность профессора в молодых летах: «ему следовало бы сначала несколько лет поработать в гимназии», где он «приучился бы к строгому исполнению приказаний начальства...»

И в качестве меры, которая могла бы привести внутреннюю жизнь лицея к успокоению, попечитель рекомендовал «для примера удалить из лицея одного из профессоров, того, который будет главной причиной раздора». В конечном итоге был сделан вывод о необходимости удалить из лицея Ушинского и его товарища Львовского. Оба, по заведенному порядку, подали заявления об увольнении в отпуск по болезни, причем Ушинский просил об увольнении в Петербург или Москву «для совещания с тамошними меди-

ками». Через неделю уже был назначен заместитель Ушинского.

Так закончилась его научная и преподавательская карьера.

IV. ЧЕРНОРАБОЧИЙ ЖУРНАЛИСТ

«Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился... Куда ты толкаешь меня, о нищета проклятая?...»

(Из юношеского дневника Ушинского.)

Так как от своего отца Ушинский давно уже не получал материальной помощи и еще в университете жил частными уроками, то к зиме 1849 года он оказался в Петербурге без всяких средств к жизни, но с твердым намерением найти себе работу, которая соответствовала бы его призванию. Это оказалось задачей в высшей степени трудной. Бывшего профессора, очутившегося без работы, везде встречали подозрительно. Даже места уездного учителя Ушинский не мог найти.

Он готов притти в отчаяние, но напрягает все силы, чтобы организовать прежде всего, несмотря ни на что, свою научную работу, в которой видит задачу своей жизни. Теперь Ушинский снова принимается за дневник. 19 декабря 1849 года

он записывает: «Снова — самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями... Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так долго во мне строился. И если я не вооружусь твердой волей, то погибну посреди этих обломков. Нужно уметь принудить себя заниматься и тогда, когда нет во мне энергии, убедившись опытом, что это падение души только временно и что небольшое усилие души над собой всегда вознаграждается рождающейся в ней энергией. О, зачем я один? Мой разум и мое сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон». Но он борется. Он не дает ни отчаянию, ни равнодушию овладеть собой. «Неужели я опустел окончательно?.. Нет, да не будет так... За дело! за дело! И чтобы не разбивать сил своих, я решительно займусь только одной статьей для географического общества... Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности...»

С начала 1852 года он входит в состав сотрудников журнала «Современник». Известно, что со второй половины 50-х годов журнал этот благодаря участию в нем представителей русской революционной демократии, Чернышевского и Добролюбова, стал передовым демократическим органом. Но в начале 50-х годов это было еще далеко

не так. И работа в журнале не удовлетворяет Ушинского. Это была по преимуществу мелкая, черная журналистская поденщина. Ушинский переводил (он в совершенстве владел тремя иностранными языками), писал обозрения иностранных журналов. А ему хотелось более ответственной и самостоятельной работы.

Через два года он предлагает свои услуги редактору «Библиотеки для чтения» А. Старчевскому. Однакоже и здесь условия были не лучше. Ушинский был перегружен все той же черной работой переводчика и обозревателя, требовавшей бессонных ночей и дававшей ничтожное вознаграждение, между тем как его жизненные потребности в связи с женитьбой уже значительно возросли.

К середине 50-х годов общеполитическая обстановка в России резко изменилась. Крымская война вскрыла перед всем миром плачевные последствия уродливого николаевского режима. Со смертью Николая I давно нараставшее напряжение прорвалось наружу. Правительству пришлось вступить на путь либеральных реформ. Общественная атмосфера стала много легче. Благодаря этому и кризис в жизни Ушинского приблизился к своему разрешению. Для него стало возможно найти ту серьезную творчески-воспитательную работу, о которой он мечтал. Бывший директор Ярославского лицея, тоже уволенный вскоре после ухода Ушинского, дает ему рекомендацию. Ушин-

ский поступает в Гатчинский сиротский институт преподавателем русского языка, затем занимает в институте должность инспектора классов, то есть руководителя всей его учебной и воспитательной работы.

V. В ГАТЧИНСКОМ СИРОТСКОМ ИНСТИТУТЕ

«Я не знаю, что я сделаю, что со мною будет, но я решился посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам».

(Из беседы Ушинского с А. Старчевским.)

Гатчинский сиротский институт принадлежал к числу тех весьма разнохарактерных учебных заведений благотворительного характера, которые находились под специальным наблюдением так называемого «ведомства учреждений императрицы Марии». Ко времени поступления Ушинского он насчитывал уже 50 лет своего существования и несколько раз реформировался. Цветущим временем Гатчинского института было начало 30-х годов, когда институт сформировался неожиданно для его руководителей как демократическая школа, куда принимались мальчики-сироты без различия происхождения и получали элементарную подготовку для поступления в

среднюю школу или для практической деятельности. Именно тогда знаменитый педагог Гатчинского института Е. О. Гугель организовал при институте подготовительную школу по типу элементарных школ Песталоцци, написал и издал ряд руководств для элементарного обучения.

После новой реорганизации в 1834 году дорогая Гугелю идея элементарного образования отодвигается на задний план, центр тяжести переносится на средние классы. В институте усиливается и берет верх бюрократическое руководство. Оно тормозит осуществление всех мероприятий Гугеля, отмахивается от его предложений. Он настаивает, пробует бороться. Его постепенно оттесняют от дела. В глухой атмосфере травли, насмешки и вражды, видя, как искажается и гибнет то, чем он жил, впечатлительный Гугель заболевает нервным расстройством. «Бедняк-мечтатель, — пишет Ушинский, — окончил свою жизнь в сумасшедшем доме, бредя детьми, школой и педагогическими идеями». Болезнь Гугеля институтское начальство объяснило его чрезмерным увлечением теорией педагогики и, запечатав замечательную педагогическую библиотеку Гугеля, отправило ее, как опасное наследство, в подвал института. Там она и оставалась в течение пятнадцати лет, до поступления Ушинского, который распечатал ее. Изумительное собрание книг по классической европейской педагогике открылось перед ним.

Ушинский стал в институте идейным преемни-
ком Гугеля.

С первых же дней своей работы Ушинский бы-
поражен царившим в институте бюрократизмом
формалистической постановкой воспитательны
задач и пренебрежением к живой душе ребенка
Основные педагогические функции — воспитание
обучение и управление — механически были раз-
делены между различными лицами, совершенн
несвязанными между собой. Благодаря этому
самые существенные вопросы воспитания, ка
писал Ушинский, «часто приносятся в жертву
административной стройности, для которой доро
же всего блеск, внешний порядок и полировка
При установившемся механическом разделени
функций никто не считал себя ответственным за
результаты воспитания, каждый сваливал вину
на других: учитель обвинял воспитателя в том
что ученики не учат уроков; воспитатели говори-
ли, что, напротив, ученики внимательно сидят за
книгами, а виноваты учителя, которые плохо
объясняют уроки; иногда те и другие объединя-
лись и вместе винили администрацию в том, что
она недостаточно строго применяет наказания
Все воспитание в таких заведениях выражается
по словам Ушинского, «только в ограничениях
стеснениях, запрещениях и внешней дисциплине
Но вместе с тем вся детская жизнь в таком за-
ведении принимает какой-то форменный, острож-
ный характер, конечно, не имеющий ничего об

щего с делом нравственного воспитания. Жизнь ребенка становится постоянным церемониалом, который весь расписан заранее». Но живут и посвоему развиваются дети «где-нибудь тайком от воспитателя, в каком-нибудь темном уголке, куда не проникает его всенивелирующий взгляд, в тихом шопоте с товарищем... Форменная жизнь в заведении идет своим порядком, а настоящее, действительное воспитание блуждает тысячами других».

«Этот гибельный порядок, — писал Ушинский, — можно выразить несколькими словами: канцелярия и экономия наверху, администрация в середине, учение под ногами, а воспитание за дверьми заведения. Пока не вывернем налицо этого кафтана, вывернутого наизнанку, до тех пор ничего путного не будет. В общественном воспитании учение и воспитание должны стоять там, где им прилично, на первом плане, администрация — на втором, а канцелярия — на последнем».

Понятно, что Ушинский стал настаивать, чтобы центром и основой школы стал педагогический персонал. Учитель должен помнить, что с преподаванием нераздельна и воспитательская работа. В свою очередь и воспитатель должен вести учительскую работу; без этого он потеряет главнейшее и действительнейшее средство воспитательного влияния: ведь ученье есть могущественный орган воспитания. И администратор не должен только администрировать, он должен быть вместе

с тем и воспитателем и учителем. Ушинский указывал на воспитательную практику англичан, которые, «стремясь прежде всего воспитывать человека, подчиняют все в школе понятию воспитания и не разделяют должности администратора, учителя и воспитателя». Основным педагогическим требованием, которое именно с этого момента было выдвинуто Ушинским, явилось требование непосредственного влияния личности педагога на ребенка. «Дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только под прямым влиянием человеческой личности, и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и расписаниями времени занятий невозможно искусственно заменить влияние человеческой личности. Это плодотворный луч солнца для молодой души...»

Продолжая работать в журнале «Библиотека для чтения», Ушинский получил однажды от редактора очередное задание ознакомиться с только что полученными книжками английского журнала. В журнале оказались статьи об американском воспитании. В них рисовалась та широкая демократическая постановка, которую дали народному образованию американцы. Это навело Ушинского на мысль, что такие же широкие перспективы должны раскрыться перед народным образованием и в России. Народное образование — это не частная проблема отдельных учреждений вроде Гатчинского института, — это одна

из больших проблем той же народной жизни, которую с хозяйственной и юридической точки зрения он начал изучать в Ярославском лицее. «Педагогическое поприще», на которое вступал Ушинский, получило в его глазах огромный смысл. Оно заменило ему то поприще ученого историка и юриста, которое он вынужден был оставить.

«Я не мог спать несколько ночей, — говорил Ушинский об этом Старчевскому. — Статьи произвели страшный переворот в моей голове, в моих убеждениях, в понятиях. Они подняли в моем уме целый ряд вопросов по воспитанию и образованию, навели меня на многие, совершенно новые мысли. Я не знаю, что я сделаю, что со мной будет, но я решился посвятить себя с этого дня исключительно педагогическим вопросам».

И Старчевский, рассказывая об этом, несколько иронически добавляет: «Он так на меня подействовал, что мне самому хотелось бросить все и итти в учителя, пожалуй, поступить в Гатчинский институт...»

Как раз около этого времени Ушинский писал в одной из первых своих педагогических статей: «Воспитатель, стоящий в уровень с современным ходом воспитания, чувствует себя... посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, боровшихся за истину и благо. Он чувствует себя жи-

вым звеном между прошедшим и будущим могучим ратоборцем истины и добра и сознает, что его дело, скромное по наружности, одно из величайших дел истории, что на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения. Он видит, что вопросы относительно его деятельности, рождающиеся в его мыслях, занимают тысячи благороднейших умов, постигших глубоко всю важность воспитания».

VI. ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

«Боже мой! сколько нужно школ, школ и школ для всего этого народа, возрожденного к гражданской жизни!» (*Ушинский.*)

В то время в России школ для народа фактически не было, а школы для привилегированных классов были устроены плохо, не педагогически. Бюрократически-чиновничий подход к делу народного образования убивал всякую общественную инициативу.

Все это ясно видел Ушинский. Он решил прежде всего тщательно изучить постановку народного образования в других странах — Англии, Германии, Франции, США. Изучение это оказалось настоящим исследованием и потребовало огромного труда. Едва ли в то время кто-либо

другой мог выполнить подобное исследование с такой глубиной, как это сделал Ушинский.

Народность — вот основная черта воспитания, установленная Ушинским в результате его исследования. Защищая принцип народности в русской школе, Ушинский имел в виду предупредить механическое перенесение в Россию систем европейской педагогики, с одной стороны, подчеркнуть жизненную необходимость привлечения общественных народных сил к делу воспитания, с другой стороны. То и другое важно в одинаковой степени.

Что получится, если мы попробуем механически перенести к нам чужие педагогические системы и идеи? Мы перенесем «только их мертвую форму, безжизненный труп, а не их живое и оживляющее содержание». Общечеловеческие принципы воспитания должны быть применены к специфическим условиям русской народной жизни. «Необходимо сделать в русской школе главными предметами русский язык, русскую географию, русскую историю, возле которых группировались бы все остальные; словом, обратить нашу школу к народности. Пропуски, сделанные первоначальным воспитанием, пополняются потом нелегко... Мы получаем отрывочные, неполные сведения и часто знаем мелочи, не зная главного».

Результаты пренебрежения народностью в воспитании были ясны Ушинскому. Он пишет, что у нас образованный человек «весьма плохо знает свое

отечество сравнительно даже с малообразованным швейцарцем, французом, немцем, англичанином. Француз перенесет вам Москву на берег Балтийского моря, но свою родину, ее историю, ее великих писателей он непременно знает; русский опишет вам в подробности Лондон, Париж и даже Калькутту, и призадумается, если спросить у него, какие города стоят на Оке. До тех же пор, покуда мы не знаем своей родины и пока это знание не распространится в массе народа, мы не будем в состоянии воспользоваться и теми средствами, которые представляют нам природа и население нашей страны, и будем бедны, потому что невежественны».

Воспитание в России должно быть народным и в том смысле, что сам народ, а не господствующие классы и не бюрократия, должен играть главную роль в воспитании подрастающих поколений. В Англии, замечает Ушинский, воспитание народа широко развернуто, но это не изменяет его аристократического характера: «это не более, как милостыня, бросаемая богачом бедняку, благоразумная мера предупредительной полиции и финансовый расчет общества, которому известно, что содержание преступника в тюрьме, куда бедняк чаще всего попадает по невежеству, обходится дороже его воспитания».

И, подчеркнув, что создание благотворительных школ для бедных не есть еще народное воспитание и что в основе подлинно народного воспита-

ния должно лежать прежде всего доверие к народу, уважение к нему, Ушинский пишет замечательные строки: «Если есть что-нибудь у нас наименее случайное, то это именно народ и его направление... Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что этот простой народ, наконец, создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем. Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту не задумается вручить народное образование самому же народу».

Это не значит, конечно, что народ должен быть предоставлен самому себе и развиваться в отрыве от европейской культуры. Но это значит прежде всего, что общественно-политическая обстановка дожна измениться так, чтобы народ имел возможность сам принять участие в воспитании своих подрастающих поколений. «Общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда вопросы его становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы хитро она ни была обдумана,

окажется бессильной и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества».

Смелость, поразительная новизна и глубина воззрений Ушинского привлекли к ним внимание всей нашей общественности.

Из царского дворца Ушинский получил предложение высказаться о воспитании наследника престола. До нас дошли письма, написанные Ушинским по этому поводу. В этих письмах, адресованных прямо во дворец, Ушинский с огромной гражданской смелостью заявлял, что политика просвещения, проводившаяся царским правительством, не была основана на признании народности основой исторической жизни государства. Он требует, чтобы наследнику преподавались политические науки, которые бы выяснили ему «всю невозможность и чудовищность деспотизма» Верховная власть монарха вовсе не означает того, что он «может делать, что ему угодно... Закон не есть выражение его произвола, но выражение исторической необходимости общества...» Эта историческая необходимость, напоминает Ушинский, привела к тому, что в жизни русского народа происходит большой сдвиг; она выдвигает настойчивые требования различных улучшений и преобразований. «Эти требования будут все возрастать. Заставить их умолкнуть на время, конечно, можно, но это значит гноить государство и народ...

Весьма ошибочно было бы рассчитывать на спокойствие от такого задавливания требований народа... Более чем когда-либо необходимо обратиться к самому народу: узнать не только его материальные, но и духовные потребности... и, удовлетворяя этим потребностям, прокладывать народу историческую дорогу вперед».

Нельзя не признать утопически-наивной эту либеральную проповедь, направленную по адресу царской семьи и будущего самодержца. Ушинскому скоро пришлось горько разочароваться в своих либеральных надеждах.

Но исходя из своей идеи народности, Ушинский развил целую систему замечательных педагогических мер, направленных к общему культурному подъему народных масс.

VII. ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ

> «Нет теперь вопросов современнее и важнее, как вопросы о том, чем должны быть русские народные школы? Как и где их устроить? Что и как в них преподавать? Где взять для них учителей?..» (*К. Д. Ушинский.*)

Во второй половине 50-х годов было ясно, что какая-то реформа в деле народного образования назревает. Но какая? Этот вопрос серьезно волновал Ушинского. Если реформу будет направ-

лять бюрократия, хотя бы и либеральная, каких результатов можно ждать от этой реформы? Бюрократическим путем возможно в лучшем случае настроить множество школ. Но это будут не те школы, которые нужны народу. Подлинно народные школы должны вырастать из общественной заинтересованности и творчества в деле воспитания. А предпосылка такого творчества — создание общественного мнения по вопросам воспитания. «Ясное и определенное общественное мнение о воспитании, сознающее цель воспитания, его требования и средства, есть именно та почва, в которой может укорениться самостоятельное развитие народного воспитания, — один из важнейших исторических органов общего народного развития... Действительную воспитательную силу имеет только то воспитание, которое будет основывать свои правила на общественном мнении и вместе с ним жить и развиваться».

Прежде всего нужна педагогическая пресса. В конце 50-х годов начали выходить два педагогических журнала. Ушинского не вполне удовлетворяют они. Он задумал с 1861 года издавать свой собственный журнал «Убеждение».

Но в ответ на заявление его об этом министерство народного просвещения предложило ему принять на себя редактирование министерского журнала. Ушинский согласился. Журнал тогда еще не имел педагогического облика. Но вступив в должность редактора, Ушинский добился пре-

вращения журнала министерства народного просвещения в специально педагогический журнал. Ушинский получил наконец возможность конкретно развить свои идеи о том, чем должна быть русская народная школа.

Прежде всего он настойчиво повторяет: в России «прямо приступили к толкам о школьных реформах, не сознав вполне той идеи, из которой должны вытекать все эти реформы», не говоря уже о том, что «мы решительно не имеем ни народных учителей, ни народных учебников, ни народных книг для чтения». Была, поистине, всесторонняя неподготовленность к школьной реформе. Что нужно прежде всего? Ушинский не устает повторять, что необходимо органическое усвоение и переработка опыта европейской педагогики. «Одиночная опытность педагога, хотя бы ей было 40 или 50 лет, ничто перед опытом нескольких столетий, в котором сосредоточились результаты педагогической деятельности бесчисленного множества педагогов, между которыми было много замечательных талантов и необыкновенных личностей, отдавших все свои силы делу воспитания».

«Ради бога не думайте, — восклицает Ушинский в одном из своих писем, — что великие просветители человечества жили для России даром и что нам следует все начинать снова».

Но если правительство и переносило к нам те или другие европейские учреждения и идеи, то

это было только механическим подражанием. А Ушинский настаивает на органическом усвоении и переработке европейского передового опыта применительно к потребностям русской народной жизни.

Точкой отправления для организации начальной народной школы в России должны быть, по мнению Ушинского, «конечно, ученье и школы Песталоцци и Фелленберга». Именно эти педагоги выдвинули идею, что задача начальной школы, этого фундамента в системе образования, заключается не в том, чтобы поскорее набить голову ребенка определенной суммой знаний, и не в том, чтобы механически сообщить ему навыки чтения и письма, которыми он, может быть, не сумеет воспользоваться. Нет, основная задача начальной школы — школьными занятиями «развить способности детей, раскрыть в них разумный взгляд на окружающую их природу и общественные отношения и сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности. Эта идея была великим открытием Песталоцци, открытием, которое принесло и приносит человечеству более пользы, чем открытие Америки. Всей многострадальной жизни этого великого до безумия энтузиаста воспитания едва стало на то, чтобы ввести эту идею в число немногих живых и деятельных идей, двигающих человечество».

Ушинский непрестанно возвращается к этому:

«Должно постоянно помнить, что следует передать ученику не только те или другие познания, но и развить в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания. Эта способность должна остаться с учеником и тогда, когда учитель его оставит, и дать ученику средство извлекать полезные знания не только из книг, но и из предметов, его окружающих, из жизненных событий, из истории его собственной души; обладая такой умственной силой, извлекающей отовсюду полезную пищу, человек будет учиться всю жизнь, что, конечно, составляет одну из главнейших задач всякого школьного обучения... Главная задача в том, чтобы пробудить умственные способности учеников к самодеятельности и сообщить им привычку к ней, указывая, где следует, дорогу, но не таская их на помочах. Дитя выучивается ходить гораздо труднее и медленнее, если слишком заботливые родители беспрестанно стараются облегчить ему труд своим вмешательством; следует только дать ему место и возбудить в нем желание ходить. Таким образом, представляя ученикам тот или другой предмет, учитель предоставляет им самим наблюдать предмет, высказывать свои наблюдения, представлять, вспоминать, воображать то, что они наблюдали, и выводить, наконец, из своих наблюдений правильное умозаключение. Но такой развивающий метод, открытие которого навсегда оставит за Песталоцци имя первого народного учителя,

не должен увлекать наставника слишком далеко; увлекать до того, чтобы он забывал самое содержание и, преследуя форму мысли, опускал из виду самую мысль».

Понятно, какой ответственной делается задача начального учителя. Чтобы научить детей самих приобретать знания о природе и жизни, чтобы воспитать в них жажду серьезного труда — умственного и физического, привычку и любовь к труду, сам учитель должен обладать незаурядными качествами. У него должны быть большие знания, он должен превосходно владеть техникой педагогического труда.

Ушинский много думал и писал о том, как нужно готовить для русской школы такого учителя, от которого будет зависеть успех народного воспитания. И чем больше размышлял он по этому вопросу, тем больше убеждался, что именно начальный учитель должен обладать исключительно большими знаниями и техникой педагогического мастерства. «Чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше от него потребуется педагогических знаний, и это требование не возрастает, а уменьшается по мере возраста ученика. У педагогики очень широкое основание и очень узенькая верхушка: дидактика первоначального преподавания может наполнить томы».

Что конкретно требуется от учителя начальной школы? Совершенно ясно прежде всего, что его

знания и умения должны быть широкими и разнообразными — почти энциклопедическими. «Он должен иметь познания не только в грамматике, арифметике, географии и истории, но и в естественных науках, медицине, сельском хозяйстве; кроме того, уметь хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и, если возможно, даже петь. Только тогда он будет в состоянии сообщать ученикам свои сведения, необходимые и полезные для них в жизни... Странным может показаться, если мы скажем, что у нас весьма трудно найти преподавателя для малолетних классов, который бы умел читать так ясно, громко и выразительно, отчетливо и впечатлительно, как этого требует слабое еще развитие внимания в детях; а учитель народной школы или малолетних классов должен часто прибегать не только к письму, но даже к рисованию, если хочет запечатлеть верно и прочно первые и потому самые важные образы в душе дитяти».

Однакоже «не всякий, кто знает предмет (трудно ли знать его!), способен быть учителем». Ведь задача учителя — не просто изложить предмет, а пробудить умственные способности детей, привлечь их активное внимание — и притом всех детей, обучающихся в данном классе. «Сколько обдуманности в словах и задачах, сколько напряженного внимания, сколько привычки требуется со стороны учителя, чтобы занять на весь урок

30 или 40 еще не окрепших, рассеянных детских голов'.. Уменье учителя занять в свой урок всех учеников есть критериум учительского достоинства».

Ясно, что учителю необходима не только широкая общая подготовка, но и специальная педагогическая. О педагогической подготовке учителей начальной школы Ушинский думал много и написал специальный проект учительской семинарии, предполагая реорганизовать в учительскую семинарию Гатчинский институт (что, конечно, не осуществилось). Ушинский внимательно присматривался к организации учительских семинарий в Швейцарии и опыт этой организации пытался перенести в Россию.

Вот важнейший момент, по мнению Ушинского, в педагогической подготовке будущего учителя: он должен не только накапливать широкие общие знания и умения, но и одновременно педагогически перерабатывать их в определенный учебный план и соответствующий метод работы с учениками. Центральная задача в педагогической подготовке учителей состоит поэтому «в полном усвоении ими учебного плана народной школы. Весь учебный материал народной школы должен быть основательно выработан в семинарии и непременно по тем учебным планам, которые введены в народные школы... Легко понять всю важность этой особенной задачи учительских семинарий. Совершенно ясное понимание материала

народной школы и полное им обладание, которое должен иметь хороший учитель, составляют самый важный и вовсе не легкий предмет учебных занятий в семинарии. Чем яснее предмет в голове учителя, тем яснее отразится он и в головах учеников; но во всяком случае менее ясно, чем у учителя. Если же степень ясности невелика и в голове учителя, то в голове ученика будет совершенный мрак. Вот почему с людьми, готовящимися в учителя, надобно основательно переработать весь учебный материал, который они будут передавать своим ученикам, хотя бы этот материал и был уже прежде усвоен в школе будущими учителями».

Россия велика. Тысячи учителей самоотверженно работают на ее необъятных просторах, в школах, затерянных в глухих провинциях, разбросанных по селам. Как скорее перевоспитать всю эту учительскую массу, дать ей возможность вырасти?

Ушинский придает важное значение широкому распространению прогрессивных педагогических идей с помощью педагогической литературы и росту самодеятельности и инициативы среди самих учителей. «Трудно себе представить, какой переворот в идеях и в душе человека, заключенного где-нибудь в глуши уездного города, может сделать попавшаяся в его руки хорошая книга. В педагогике учить много нечего, а главное состоит в том, чтобы направить мысль человека на

дело воспитания и помочь ему сделать первые шаги в этой области: если душа человека восприимчива и голова его работает, а опыты у него тут же, под руками, то дело пойдет само собою».

VIII. РЕФОРМА СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА И «НОВЫЙ ТОЛЧОК СУДЬБЫ»

«Я желал бы, чтобы все мои служебные действия были подвергнуты подробному и открытому исследованию... На это по закону имеет право всякий обвиняемый, а мне не показано даже бумаги, в которой меня обвиняют».

(*Из оправдательного письма Ушинского.*)

В конце 1859 года Ушинский был переведен в Смольный институт: ему была поставлена задача реорганизовать институт «в соответствии с современными требованиями». Институт был создан еще при Екатерине II, при ближайшем участии известного деятеля того времени И. И. Бецкого. Тогда увлекались идеей о возможности в закрытом заведении воспитать «новую породу отцов и матерей» и таким образом положить «твердые основы общественного порядка».

Не говоря уже о несостоятельности самого принципа закрытых воспитательных заведений, вся работа в институте была организована по-

верхностно. Отрывая воспитание от обучения, руководители института воспитательную работу выдвинули на первый план, отведя обучению второе место. Главными предметами в институте оказались в связи с этим закон божий, иностранные языки, музыка, танцы и великосветские манеры. Учебный план института был построен так, что прохождение программы трех классов растягивалось на девять лет. Преподаватели не всегда были достаточно квалифицированными и часто совсем не имели представления ни о дидактических приемах обучения, ни о специальных методах преподавания отдельных дисциплин. Собственно воспитательная работа сводилась к бдительному и неусыпному надзору классных дам, следивших за нравственностью и поведением воспитанниц и неизменно присутствовавших на уроках. На дом воспитанницы в течение девяти лет не отпускались, встречи их с родными разрешались только в присутствии воспитательниц, письма к родным и от родных предварительно прочитывались. Давно уже выяснилась плачевность результатов всей этой системы. Но необходим был смелый педагог-реформатор, чтобы сломить косные, десятилетиями закреплявшиеся традиции института. Таким реформатором и явился Ушинский.

Ушинский в течение первых трех месяцев своей работы создал новый, детально обоснованный план организации учебной части института.

После обсуждения в разных инстанциях план был принят, он должен был быть проведен в жизнь с начала 1860 года. Девятилетний срок обучения был заменен семилетним, причем каждый год учащиеся переходили из класса в класс. Окончившие семь классов могли по желанию обучаться еще в течение двух лет в 8-м дополнительном классе для подготовки к педагогической работе. Учебные планы и программы были переделаны в соответствии с требованиями научной педагогики; впоследствии эти планы послужили основой для учебных планов женских гимназий.

В первую очередь было устранено то нелепое положение, что с первого класса начиналось изучение иностранных языков и не изучался русский язык. Теперь на русский язык было отведено 6 часов в неделю; уроки не сводились к простому разучиванию грамматических правил, но педагог должен был сообщать учащимся ясные и правильные понятия об окружающих предметах, без чего немыслимо правильное развитие устной и письменной речи.

Было увеличено количество уроков по естествознанию. Преподаватель географии не должен был ограничиваться только номенклатурой гор, рек и городов; ему следовало знакомить учащихся с землей, как поприщем человеческой деятельности, с теми влияниями, которые внешняя природа оказывает на развитие человека, и теми изменениями, какие произвел на земле человеческий гений.

При изучении литературы ставилась задача знакомить учащихся (вместо прежней схоластической пиитики и риторики) прежде всего с действительной, живой литературой — с образцами всякого рода литературных произведений. Так должны были складываться у учащихся понятия о родах и видах литературных произведений.

В младших классах было введено наглядное преподавание, в старших — организованы кабинеты и лаборатории для занятий. Ко всем преподавателям предъявлялось требование о пробуждении и поднятии активности и самодеятельности учащихся.

Реформируя институт, Ушинский убедился, что придется обновлять педагогический персонал. Он сумел привлечь лучшие преподавательские силы Петербурга. В институте начали работать Модзалевский, Миллер, Косинский, Водовозов, Семенов и др. Смольный институт быстро вошел в славу и стал считаться образцовым заведением, куда приходили знакомиться с постановкой учебного дела.

В своих воспоминаниях о Смольном институте того времени («На заре жизни») известная писательница Е. Н. Водовозова пишет: «Я воспитывалась в Смольном тогда, когда в него не проникала ни одна человеческая мысль, когда в него не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями; при мне в его стенах в качестве инспектора появился Ушинский, что и дало мне возможность представить, как этот величай-

ший русский педагог, вместе с введенными им новыми учителями, начал подрывать гнилые устои института и водворять в нем новые порядки, всколыхнувшие весь строй стоячего институтского болота, перевернувшие вверх дном все установившиеся в нем понятия о воспитании и образовании».

Ушинскому пришлось резко столкнуться со многими застарелыми предрассудками в жизни заведения

Ушинский считал, что классные дамы не должны вскрывать и прочитывать писем, получаемых ученицами из дому; что совершенно нецелесообразно заставлять учениц в угоду этикету сидеть во время уроков, несмотря на холод, с обнаженными плечами; что ученицы имеют право и обязанность задавать преподавателям вопросы относительно содержания уроков и т. п. «Если классная дама требует, — писал Ушинский, вспоминая свой опыт в Смольном, — чтобы маленькие дети сидели неподвижно, как куклы, если они не смеют открыть рта, чтобы заговорить с учителем, и если голос учителя бубнит одиноко, как дождь в стекло, то и одного такого часа достаточно, чтобы измучить дитя и измучить притом совершенно бесполезно».

Всякое вмешательство педагогически несведущих классных дам в учебную жизнь Ушинский резко обрывал, не щадя ничьего самолюбия.

Весь «женский персонал» института был возму-

щен неслыханным вмешательством «шального инспектора» в то, что до него «вовсе не касается»,— в права воспитательниц, упрочивавшиеся десятилетиями. Была оскорблена и начальница: в один из очередных приездов императрицы Ушинский сам стал докладывать ей о ходе реорганизации института, вместо того чтобы предоставить эту честь, согласно установившемуся ритуалу, начальнице.

Трудно сказать, чем кончилось бы готовившееся решительное столкновение между Ушинским и всем консервативным, что было в институте. Назревавший конфликт был до этого столкновения разрешен анонимным доносом на Ушинского, обвинявшим его в атеизме и политической неблагонадежности. Донос сделал законоучитель Гречулевич, поддержанный начальницей. За ними стояла вся реакционная часть института, с которой неумолимо воевал Ушинский.

Когда доносу был дан ход, Ушинскому не сообщили точно, в чем обвиняют, так что, оправдываясь, он должен был предположительно исходить из тех разногласий, которые за последнее время у него были с администрацией и отдельными лицами. Уверенный в своей правоте, Ушинский просил о назначении формального следствия по поводу его служебной деятельности. Самый факт доноса произвел на него тяжелое впечатление. Просидев несколько ночей над оправдательным письмом, Ушинский поседел и стал харкать

кровью. Мучивший его и раньше болезненный процесс (хроническое воспаление легких) теперь обострился.

Просьба о назначении формального следствия удовлетворена не была. Это означало, что дальнейшая работа Ушинского в институте признана неподходящей. Вместе с Ушинским из института вынуждены были уйти и все приглашенные им преподаватели.

О вопиющем факте травли и изгнания замечательного педагога без всякого разбора дела Герцен писал в «Колоколе».

IX. ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ШВЕЙЦАРСКИХ НАРОДНЫХ ШКОЛ

> «...Будем трудиться для потомства... Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию,—дела появятся сами».
>
> *(Из юношеского дневника Ушинского.)*

Ушинский уехал за границу.

Оторванный от родины и от практического дела, он быстро разочаровался в своих либерально-утопических надеждах на верховную власть.

От нее ждать нечего. Нечего ждать от всесильной правящей бюрократии.

Единственной надеждой Ушинского остался

русский народный учитель. Он сам должен и может овладеть рациональными приемами преподавания и двинуть русскую школу вперед.

Через голову чиновничества и правительства Ушинский думает обратиться теперь к самому учительству и работать непосредственно для него.

За границей Ушинский задумал три большие работы: 1) изучить опыт швейцарской передовой школы и показать его русским учителям; 2) написать учебную книгу для начальной школы по методу научной педагогики; такая книга важна одновременно и для русского ребенка и русского учителя; 3) специально для русского учителя написать научно обоснованный учебник педагогики.

Приступая к выполнению этих важнейших задач своей жизни, Ушинский по существу дела чувствовал себя так же безотрадно и бесперспективно, как в юношеские годы, когда он писал в дневнике: «бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни — страшное бытие».

Теперь он почти буквально повторил (23 ноября 1862 года) ту юношескую запись: «Грустно сеять на поле, где завтра же могут вырвать, что сегодня посеяно. Долго ли нам еще суждено толочь воду?»

Но, по мере того как он входил в работу, он все же сознавал, что делает дело, единственно возможное в его положении.

Прежде всего он принялся за обработку для

русских учителей писем о своей поездке по Швейцарии с целью изучения народных школ. Семь писем Ушинского, напечатанных в журнале министерства народного просвещения, представляют собой замечательное произведение, в котором Ушинский на основе анализа швейцарского педагогического опыта показывает, как должно быть правильно организовано дело народного образования в России. Мы находим в этих письмах беспощадную критику бюрократического подхода к школьному делу и вместе с тем замечательный подбор лучших образцов педагогической работы, сделанный специально для русского учителя. Вот несколько примеров.

Отметив, что в малолетней школе Фрелиха в Берне учительница начинает свои занятия с детьми на их своеобразном бернско-немецком наречии, Ушинский пишет: «Что с детьми начинают заниматься на том самом наречии, на котором они говорят дома, это, без сомнения, не только весьма разумно, но не менее гуманно». Это дает повод Ушинскому вспомнить, что украинских детей в школах России заставляли обязательно говорить только на непонятном для них великорусском языке. И он пишет о школе, пренебрегающей живым народным языком: «Такая школа, во-первых, гораздо ниже народа; что же значит она с своей сотней плохо заученных слов перед той бесконечно глубокой, живой и полной речью, которую выработал и выстрадал себе народ в про-

должение тысячелетия; во-вторых, такая школа бессильна, потому что она не строит развития дитяти на единственно плодотворной душевной почве — на народной речи и на отразившемся в ней народном чувстве; в-третьих, наконец, такая школа бесполезна: ребенок скоро позабывает несколько десятков великорусских слов, которым выучился в школе, а вместе с тем позабывает и те понятия, которые были к ним привязаны. Народный язык и народная жизнь снова овладевают его душой и заливают и изглаживают всякое впечатление школы, как нечто совершенно им чуждое. Что же сделала школа? Хуже, чем ничего! Она на несколько лет задержала естественное развитие дитяти».

Говоря о получасовых уроках в той же малолетней школе Фрелиха, Ушинский опять делает выводы для русского читателя. «Что же делать, если на каждом шагу я встречаю в моем педагогическом путешествии весьма полезные уроки и весьма печальное напоминание. Основной закон детской природы можно выразить так: дитя требует деятельности беспрестанно и утомляется не деятельностью, а ее однообразием и односторонностью. Заставьте ребенка сидеть — он очень скоро устанет, лежать — то же самое; итти он долго не может, не может долго ни говорить, ни петь, ни читать и менее всего думать; но он резвится и движется целый день, переменяет и перемешивает все эти деятельности и не устает ни

на минуту; а крепкого детского сна достаточно, чтобы возобновить детские силы на будущий день. Педагог должен прежде всего учиться из природы и из замеченного явления детской жизни выводить правила для школы».

А одно из таких правил как раз то, что «детское внимание надоно воспитывать понемногу и нет ничего хуже, как надорвать его. Дитя, которое по физической невозможности внимательно следить долгое время за одним и тем же предметом приучится мало-помалу уже вовсе не следить за уроком и делать только внимательную мину, — такое дитя учить уже очень трудно. Если же урок весь состоит из толкования учителя, не призывающего детей к участию, — а у нас именно такие уроки и встречаются всего чаще, — то я считаю час времени nec plus ultra внимания не дитяти, а взрослого человека. Попробуйте, господа наставники, прослушать кого-нибудь целый час и потом передать, что вы слышали. Но если наставника не слушают, то зачем же он говорит?»

Ушинский рассказывает об учебном плане начальной школы в Берне и о способе его выполнения. «Главных, основных идей в курсе немного; к ним беспрестанно возвращаются и с ними связывают вновь усвоенные, причем дитя приучается само к плодотворному развитию главной идеи При таком преподавании голова учащегося не набивается, как мешок, фактами, плохо усвоенными,

и идеями, плохо переваренными; но те и другие как бы вырастают органически из немногих зерен, глубоко посаженных в душу. Правда, этот органический рост души идет сначала очень медленно: но чем далее, тем быстрее, и чем прочнее заложен фундамент знаний и идей в душе ученика, тем большее и прочнейшее здание можно потом возвести на этом фундаменте. Но если такое учение можно сравнить с ростом сильного дерева, которое, с каждым годом приобретая новые ветви, вместе с тем утолщает и укрепляет свой корень, то ученье, которое прошли мы в наших гимназиях, можно уподобить пьяному вознице с дурно увязанной кладью: он все гонит вперед, не оглядываясь назад, и привозит домой пустую телегу, хвастаясь только тем, что сделал большую дорогу» Как справедливы эти замечания Ушинского!

В особое восхищение привело Ушинского педагогическое мастерство учительницы первого класса в бернской начальной школе. «Этот класс весь так и ходит по мановению длинных пальцев высокой сухой особы пожилых лет. Это великая мастерица своего дела: она играет на своем классе своими длинными, истинно педагогическими перстами, как на послушном, хорошо настроенном инструменте. Я не знаю, любят ли или боятся ее больше дети: притопнет она ногою — класс притихнет; но стоит только ей позабыть где-нибудь на скамье свою костлявую руку, как дети пойма-

ют эту руку и жмут ее крепко и долго. Величайшее достоинство этой наставницы состоит именно в том, что она позволяет своему классу свободно бурлить и волноваться; но удерживает его всякий раз именно в тех пределах, которые нужны для успеха учения. Найти средину между распущенностью класса и его мертвой неподвижностью очень нелегко; но для того, чтобы удерживать постоянно класс в этой спасительной середине, нужен врожденный педагогический талант и много навыка». Два дня сряду Ушинский неотрывно наслаждался преподаванием этой учительницы, передав русским учителям многие из ее приемов в своих письмах.

Особенно много внимания уделил Ушинский вопросу о подготовке педагогов — вопросу, который в России был одним из самых больных и животрепещущих. В Швейцарии же было как раз благодаря своевременно принятым правильным мерам по подготовке педагогов много хорошо подготовленных народных учителей. Ушинский отмечал в своих письмах все, что заслуживало в этом отношении внимания русских учителей.

Заканчивая свои «Письма», он с тоскою восклицает: «Когда же мы увидим такие же характерные русские воспитательные заведения и во главе их такие же типические, русские личности в высоко развитой, облагороженной форме, когда подобные личности будут развивать в воспитате-

лях благороднейшие черты истинно русского характера, а воспитатели будут вызывать этот характер в молодых поколениях русского народа!»

Письма Ушинского о его педагогической поездке, несмотря на свою 80-летнюю давность, до сих пор еще не устарели. Многие из пожеланий Ушинского сохраняют и для нашей современности всю свою силу, всю свою актуальность.

X. «РОДНОЕ СЛОВО»

«Вдруг послышалась в школе живая речь, раздался резкий, веселый детский смех». (*Миропольский.*)

Для всякой школы хороший учебник имеет решающее значение. А для школы начальной — фундамента всей системы образования — значение учебника совершенно исключительно. Хороший учебник — это совокупность тех ясных и четких основных понятий, которые должны составить основу всего последующего умственного развития ученика начальной школы.

Для учителя хороший учебник — это развернутый план школьной работы, та канва, по которой он может уверенно варьировать индивидуальные педагогические узоры, отвечающие особенностям личности каждого ребенка.

Хороший учебник — это основа работы школы.

Если не углубляться в седую древность, которая тоже внесла в это дело свой большой вклад, то условно можно считать, что история учебной книги начинается с Коменского и Песталоцци, с момента разработки основных проблем начальной школы вообще, и длится до настоящего времени. Коменский дал для начального обучения гениальную книгу «Мир в картинах», Песталоцци создал замечательную «Книгу для матерей» и ряд систематических упражнений в созерцании чисел и форм, после него тщательно разработанных швейцарскими и немецкими педагогами; Жирар и ряд других педагогов много работали над подбором упражнений мысли и речи ребенка, Вильмсен написал книгу «Друг детей», Вурст — «Первую школьную книгу»; в России над книгами для чтения работали вслед за европейскими педагогами-классиками — Гугель, Одоевский, Лев Толстой. История составления книги для детского чтения еще не изучена научно, и выводы из нее не сделаны. Но несомненно, что каждый автор вносил сюда что-то свое и как-то дополнял других.

Ушинский объявил создание учебной книги для начального обучения неотложной задачей русской школы.

Еще в 1861 году Ушинский закончил составление книги для чтения в младших классах Смольного института, тогда же вышедшей в свет под

заглавием «Детский мир». Эта замечательная книга давала большой и систематизированный материал по естествознанию, географии и истории. Потребность в такой книге для младших классов средней школы была настолько велика, что уже в первом году потребовалось подряд три издания, и затем издания повторялись каждый год, несмотря на то, что с первых же дней было выставлено против книги обвинение в том, что она разрушает религиозные верования детей.

В начальной школе книга «Детский мир» могла найти себе употребление только в старших классах. Для младших классов начальной школы Ушинский издал в 1864 году другую книжку для чтения — знаменитое «Родное слово». Это был поистине гениальный опыт создания русской книги для начальной школы на основе достижений мировой педагогики.

«Родное слово» — это книга, совершенно понятная для ребенка, полностью соразмеренная с его силами. Оно составляло в этом отношении полную противоположность книгам, которые издавались и распространялись по школам министерством народного просвещения (вроде книги Филонова и Радонежского: в тех книгах материалом для чтения служили церковно-славянские молитвы, проповеди, отрывки из правительственных наказов, манифестов, научных статей по географии, истории, естествознанию, написанных непонятным для детей языком.

Не значит ли понятность и доступность ребенку «Родного слова», что автор его не стремится поднять уровень развития своего маленького читателя? Нет, конечно, не значит.

«Родное слово», написанное для ребенка, в то же время совершенно серьезная книга, ставящая себе задачей развить логическую мысль и речь ребенка, научить его разбираться в окружающем мире, положить основы его мировоззрению и подготовить к настоящему изучению наук. Не всякий, раскрывший «Родное слово» — с множеством картинок, стихотворений, сказок, прибауток, — обратит внимание на этот серьезный элемент гениальной книги Ушинского, тем более, что подан он, этот элемент, чрезвычайно умело с дидактической стороны. Один из дореволюционных педагогов, восхищенный простотой предложенных Ушинским серьезных упражнений логической мысли ребенка, писал о книжках «Родного слова»: «Какую обдуманную и в своем роде сложную машину представляют эти тетрадочки с рядами слов, пословиц, рассказов, стихов и картинок!.. В «Родном слове» есть упражнения, которые незаменимы именно как такие, которые сами по себе, даже вопреки самым неумелым шагам начинающего учителя, должны принести громадную пользу. Укажем, например, на те упражнения, которыми начинается каждый номер первой книжки «Родного слова»: ряды слов, которые должны быть расположены учеником по родам выражае-

мых ими понятий... Имеющий сколько-нибудь здравого смысла учитель не может вести дурно такое упражнение; упражнение задумано так здраво и просто, что выручит какого хотите неумелого учителя».

Но учебная книга Ушинского не только дает первые серьезные упражнения логической мысли и речи ребенка (побуждая его расчленять, классифицировать предметы окружающей среды), «Родное слово» подготовляет ребенка с помощью этих упражнений к изучению естествознания; рядом других простейших упражнений, развивающих и уточняющих пространственные представления детей, она подготовляет к основательному изучению географии; ряд упражнений, ведущих к развитию представлений о времени, дает подготовку к изучению истории; систематические упражнения в речи и ее анализе дают подготовку к изучению научной грамматики. Материал «Родного слова» — это основа для успешного прохождения научных дисциплин в старших классах.

Но и это еще не все. «Родное слово» Ушинского — не только доступная для детей, не только серьезная научная книга, — это в полном смысле слова народная книга. Множество произведений русской народной литературы в ней использовано впервые для школьного употребления. Книга приобщала ребенка не только к научному и художественному языку, но, в первую очередь,

к тому богатству языка, которым владеет народ. Эту задачу книге для чтения в первый раз поставил Ушинский, и важность ее правильно оценили педагоги уже в дореволюционное время. Один из них писал: «Школа, которая сумеет обогатить своих учеников сокровищами даже исключительно только крестьянского слова, была бы уже образовательницей их, рассадницей просвещения, ибо сумма понятий, составляющих язык народа, выше понятий и речений каждого отдельного лица».

Достоинства «Родного слова» как учебной книги были так велики, так осязательно ясны для учителей и детей, что с первого же своего появления (1864 год) оно завоевало себе место на книжном рынке и вошло в школьный обиход, несмотря на неоднократные попытки со стороны министерства задержать распространение этой книги, затормозить и даже совсем запретить ее под предлогом, что она разрушает религиозные верования детей. На протяжении 50 лет до Октябрьской революции книга выдержала 146 изданий и распространилась по школам в миллионах экземпляров. Дети начальной русской школы за эти 50 лет воспитывались преимущественно на книге Ушинского.

Книга эта пробуждала любовь к учению она делала самый процесс обучения радостным для них. Один из старых педагогов вспоминает: «В школу заглянула новая жизнь; в простом, яс-

ном, всегда понятном детям художественном слове выступили те знакомые явления природы и жизни, которые вызывали блеск в детских глазах иногда улыбку и порой детский смех. Дети вдруг услышали что-то такое, что заговорило с ними через книгу родным и понятным языком».

Тщательное изучение учебных книг Ушинского, лучшего достижения дореволюционной педагогики, поможет и советскому педагогу разрешить задачу создания на высоком общепедагогическом уровне учебной книги для начальной советской школы.

XI. ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

> «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях... Не только у нас, но и везде педагогика находится еще в полном младенчестве». (*Ушинский.*)

Заветной мечтой Ушинского была такая разработка педагогической науки, которая помогла бы педагогу сделаться полным хозяином своего дела. С педагогической рецептурой, которой так охотно подменяют педагогическую науку, Ушинский мирился только скрепя сердце, как с временной необходимостью. «Главное дело вовсе не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают... Мы не гово-

рим педагогам: поступайте так или иначе; но мы говорим им: изучайте законы тех явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить».

Те явления, с которыми имеет дело воспитатель, чрезвычайно сложны и обширны. Они охватывают, в сущности, всю психо-физическую и социальную жизнь человека. Но особое место в их ряду занимают, конечно, явления психической жизни человека, и научное изучение их составляет ближайшую задачу педагогов. «Педагоги, — по словам Ушинского, — это единственный класс людей, для практической деятельности которых изучение духовной стороны человека является так же необходимым, как для медика изучение телесной». Педагог уже тем самым, что он педагог, что он ведет учебную и воспитательную работу, показывает, что он «изучает своего воспитанника, его способности, наклонности, достоинства и недостатки, подмечает развитие ума, руководит им, хочет давать направление воле, упражнять рассудок, раскрывать разум, борется с леностью, с упорством, искореняет дурные природные наклонности, формирует вкус, внушает любовь к истине, — словом, ежеминутно вращается в области психических явлений».

И вот, исходя из таких соображений, Ушинский задумал капитальный труд под заглавием «Человек как предмет воспитания», в котором хотел

показать, что такое человеческая психика, над воспитанием которой работает педагог, каким законам подчиняется ее развитие. Педагогические правила, составляющие азбуку педагогической работы, явились бы только кратким выводом из этого труда. Таким образом была бы разработана одна из главных частей сложной педагогической науки. Выполнить такую капитальную работу Ушинский мечтал уже с первых дней своей педагогической деятельности, но только под конец своей жизни он смог приступить к ней.

Между тем во времена Ушинского психология только еще начинала высвобождаться из пеленок метафизически-религиозного и идеалистического миросозерцания. Только для того, чтобы правильно поставить основные вопросы задуманного Ушинским исследования, нужна была незаурядная смелость и глубина мысли.

В психологии, как и в других областях науки, шла борьба между отживающим идеализмом и вступающим в свои права материализмом. Ушинский безоговорочно высказался за методологию материализма как в психологии, так и в педагогике. В 1866 году он писал: «Ошибку гегелевской философии исправила современная материалистическая философия, и в этом, по нашему мнению, состоит ее величайшая заслуга в истории науки Она привела и продолжает приводить в настоящее время множество ясных доказательств, что все наши идеи, казавшиеся совершенно от-

влеченными и прирожденными человеческому духу, выведены нами из фактов, сообщенных нам внешней природой, составлены нами из впечатлений или образованы из привычек, условливаемых устройством человеческого организма. Современный материализм в лучших своих представителях доказал вполне истину, высказанную Локком несколько преждевременно и без точных доказательств, что во всем, что мы думаем, можно открыть следы опыта... Много положительного внесла и продолжает вносить эта философия в науку и мышление; искусство воспитания в особенности чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время... Человеческая мысль почувствовала потребность связать отрывочные фразы и тирады материалистические в одну материалистическую философию. Однакоже, в этом случае, идеализм был счастливее материализма, который, кажется, ожидает еще своего Гегеля».

Он не знал, что «своего Гегеля» (как говорил Ушинский), материализм дождался: Карл Маркс именно в это время заканчивал работу над первым томом «Капитала», великого труда своей жизни.

Предпринятую Ушинским разработку основ педагогической науки необходимо рассматривать как грандиозный опыт пересмотра идеалистической психологии с точки зрения материализма. Только

материалистически построенная психология могла дать твердую научную опору для воспитания. Впервые поставив перед собой задачу разработки научной психологии как основы педагогики, Ушинский, разумеется, не мог проделать ее совершенно исчерпывающе и без ошибок, не отдавая дани старому идеализму. Однакоже в целом труд Ушинского задуман так глубоко и разработан с таким мастерским проникновением в детали нового построения психологической науки, что, несмотря на свою устарелость, он и доныне не имеет себе равного в педагогической науке.

К сожалению, широко задуманный труд остался незаконченным. Ушинский успел издать два первых больших тома. В них он дал детальный анализ элементарных психических явлений, правильно материалистически вскрыл их закономерность и таким образом установил элементарные научные предпосылки для учебной и воспитательной работы. Но предстояло завершить эту работу самым важным по содержанию третьим томом, в котором подлежали анализу и изучению уже не элементарные, а сложные конкретные явления человеческой психики, чаще всего трактовавшиеся в идеалистически извращенном духе. Весь труд разрастался до двух тысяч страниц. Ушинский предполагал, закончив его, потом вновь переработать, сократить и опять издать с одновременным переводом на английский язык.

Ушинский работал лихорадочно; он отчетливо

сознавал, что тут завершение дела всей его жизни, что это его лебединая песня, его завет педагогической науке. «Великое искусство воспитания едва только начинается. Мы стоим еще в преддверии этого искусства и не вошли в самый храм его. Много ли насчитываем мы великих мыслителей и ученых, посвятивших свой гений делу воспитания? Кажется, люди думали обо всем, кроме воспитания... Потомки наши будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много мы страдали от этой небрежности... Но уже теперь видно, что наука созревает до той степени, когда взор человека невольно будет обращен на воспитательное искусство».

Ушинский мечтал о том расцвете дела воспитания и о том могуществе воспитательного воздействия, которые наступят вместе с развитием педагогической науки.

В страстной силе, с которой говорил об этом Ушинский и призывал это грядущее могущество и отыскивал к нему пути, видя эти пути в развитии педагогической науки и научного воспитания, — вот в чем неумирающее значение его труда. И труд его, оборванный смертью, доселе остается недосягаемым образцом, в котором практик и теоретик педагогики найдут еще много животворных стимулов для своей педагогической работы.

XII. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ УШИНСКОГО

«...Поприще, с которого я уже готовлюсь сойти измятый, искомканный».

(Из письма Ушинского к Корфу.)

Возвратившись в 1867 году из своей заграничной поездки в Россию, Ушинский целиком отдался обработке и изданию задуманных им книг для учителей и детей начальной школы. Окончание «Родного слова», которое в полном своем виде должно было заключать в себе около 8—10 книжек, переработка его для земской школы, переиздание ранее изданных книг и вместе с тем окончание третьего тома «Педагогической антропологии» — вот что поглощало все время и силы Ушинского, уже надломленные болезнью.

Тяжелы были эти последние годы жизни Ушинского. Несмотря на самую напряженную работу, он сознавал, что от практики того дела, которому посвятил себя, он оторван. «Власть имущие» не только не приглашали его ни для какой активной работы, но и запрещали к употреблению в школах его детские книги. Ставший во главе министерства просвещения известный реакционер Д. Толстой тщательно собирал у себя материалы о предшествовавшей деятельности Ушинского и затребовал из Смольного института документы об обстоятельствах его ухода. Очевидно, документы эти нужны были, чтобы «в корне пресечь»

всякую возможность предоставления Ушинскому той или иной работы по министерству.

Документы эти, так и оставшиеся доселе неизвестными историкам педагогики, затерялись где-то в архиве Толстого...

Настроение у Ушинского было подавленное, на душе его было тяжело. «Читая каждую вашу статью, — пишет он известному деятелю земских школ Н. А. Корфу 23 февраля 1870 года, — чувствуешь, что вы говорите о деле, в котором сами вращаетесь и которому отдались бескорыстно и прямодушно». Он выражает при этом свое горячее пожелание, чтобы Корфу удалось принести возможно больше пользы народному образованию: «не только более того, что я принес, но даже более, чем я мог бы принести под другим небом, при других людях и при другой обстановке».

Конечно, и болезнь отражалась на этом мрачном состоянии духа Ушинского, но в свою очередь и оно усиливало, отягощало болезнь, особенно в связи с изнурительной, лихорадочной литературной работой. Неожиданно свалившееся на голову Ушинского тяжелое семейное несчастье — гибель в результате несчастного случая его любимого старшего сына — окончательно сломило физические и духовные силы великого русского педагога.

Он уехал лечиться в Крым. В Симферополе весной 1870 года его горячо приветствовали собравшиеся на съезд народные учителя.

Он был до глубины души тронут, узнав во время своей поездки, что по его «Родному слову» учатся русскому языку взрослые татары.

При отъезде из Крыма он простудился и 21 декабря 1870 года скончался в Одессе.

Лечивший Ушинского врач Шкляревский, профессор Киевского университета, составил медицинское свидетельство в том, что Ушинский страдал «хроническим воспалением легких», что эта болезнь требовала «вместе с хорошими климатическими условиями почти абсолютного воздержания от всякой напряженной деятельности» и что «именно усиленные ученые литературные работы Ушинского, которыми ознаменовались последние годы его жизни..., с медицинской точки зрения были для него пагубны, потому что истощили его слабые физические силы и были существенной причиной его преждевременной кончины...»

* * *

Ушинский ушел в могилу безвременно. Его дивный гений мог бы еще многое сделать для педагогической науки, а следовательно, и для русской культуры.

Но и то, что он сделал, составляет огромную ценность. Деятельность Ушинского явилась водоразделом между старой, феодальной, и зарождавшейся новой, демократической, педагогикой. Ее отцом у нас в России и явился Ушинский.

Он заложил прочные основы подлинно научной

на началах демократии построенной педагогической теории. Он поставил и теоретически и практически разработал проблему начального обучения народа. Учителю рождающейся новой школы он показал, как нужно учить и развивать ребенка, а ребенку впервые дал почувствовать радость ученья.

Ежегодно сотнями тысяч расходились по русским школам учебные книжки Ушинского. Они прививали детям естественно-научное мировоззрение и гуманную мораль, помогали свободно и всесторонне расти душевным силам детей, учили грамотному письму и чтению, давали культурные навыки, готовили к серьезной работе в старших классах школы и в жизни.

Мечту своей ранней юности — принести возможно больше пользы отечеству — Ушинский осуществил блестяще. А справедливый суд общественного мнения уже в дореволюционной России признал Ушинского народным русским педагогом и сделал его имя популярнейшим в ряду других великих имен русского народа. Но настоящая популярность Ушинского началась только тогда, когда Россия стала советской. Сотни тысяч учителей нашей подлинно демократической начальной школы критически овладевают наследством Ушинского, делают его в наши дни орудием новой великой культуры, культуры социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

на началах дем
ской теории. О
тически разраб
народа. Учител
показал, как ну
ребенку впервые

Ежегодно сот
ским школам у
прививали дет
зрение и гуман
всесторонне рас
грамотному пис
навыки, готовил
классах школы

Мечту своей р
больше пользы
ствил блестяще.
ного мнения уже
знал Ушинского
сделал его имя
великих имен
популярность У
когда Россия ст
телей нашей под
ной школы кри
Ушинского, дел
новой великой к

Редактор В. Сафонов
Подписано к печати 25/XI 1943 г.
Л92516. $2^1/_4$ печ. л. (51 000 знак. в печ. л.) 2,8 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Заказ 1728.
Цена 1 руб.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 1 руб.